

Аркадий Аверченко

Кубарем по заграницам

Аверченко Аркадий Тимофеевич. Рассказы. Сост. П.Горелов. -- М.: Молодая гвардия, 1990
Ocr Longsoft <http://ocr.krossw.ru>, сентябрь 2006

Тоска по родине
Развороченный муравейник
Русское искусство
Русские в Византии
Трагедия русского писателя

Тоска по родине

Гнилая константинопольская погода. С неба падают редкие капли скудного дождя, будто кто-то сверху брызгает облысевшим кропилом. Над крышей что-то взвизгивает и ревет: очевидно, это черти украли христианскую душу и никак не могут ее поделить.

Но в ночлежке, где на нарах сгрудились несколько русских, -- тепло. Даже душно. Не спится. Идет тихий разговор, часто прерываемый длинной ленивой зевотой.

-- Сволочи эти большевики! Какого черта, из-за них я должен болтаться тут в турецкой ночлежке?! Кто я есть! Я есть русский человек! Значит, я должен жить в России.

-- Это ты верно. Ежели ты, скажем, скрипка, ты должен жить в скрипичном футляре. А эти скоты засунули скрипку во флейточный футляр! Рази можно!

-- Почему теперь -- рождество христово -- и дождь. Как так возможно? Я, может быть, об эту пору не переносу дождя. Мне снег нужен...

-- Хороши снега у нас в Москве! Нормальные. Полозья скрипят, бубенцы на ванькиных клячах звенят. Вот жилось! Я раз это от Курского вокзала в Газетный переулок ездил -- два пальца отморозил. Вот это была жизнь! Не жизнь, а масленица.

-- А мы тоже раз с компанией в Петровский парк ездили, а они возьми для смеху и столкни меня в снег! А сами деру. Эх, жилось!!

-- Ну и что же?

-- Насчет чего?

-- Да вот, в снегу-то? Ведь не до сих пор ты там лежишь?

-- Зачем до сих пор? И часу не прошло -- пьяные купцы подобрали. Воспаление легких было.

-- Чего же ты теперь радуешься, дурак?

-- Как же мне не радоваться, если я тогда полтора месяца у себя на Малой Кисловке пролежал. Лежу в чистенькой постельке, доктор каждый день, а в окно -- рябина в снегу, а на снеге голубые бриллиантики от солнышка горят. Тепло, в печке дрова гудят, а передо мной -- яички всмятку и котлетка, только что изжаренная. И все кругом говорят: "Ах, мы, Семен Николаевич, так об вас беспокоились, так беспокоились!.." А теперь кто разве будет беспокоиться? Черта с два!

-- Да, мы, русские, больше к русскому привыкли. Какая тут в Константинополишке была пасха? Греческая мизерия! А там, -- как колокола зальются, забухают, залепечут, -- век бы слушал! Хорошие времена...

-- У меня во время светлой заутрени, помню, какой-то хлюст портмоне из кармана выдернул. Тогда, я помню, поймал его за руку да так похристосовался, что он у меня волчком завертелся, а теперь бы...

-- Чего теперь бы?

-- А теперь бы я все карманы ему сам растопырил: бери, тащи, мил человек, -- только бы мне еще полчаса у Василия Блаженного со свечкой постоять, колоколов послушать.

-- А я смотрю так: вот я однажды там, в Москве, в участок по пьяному делу товарища по Кузнецкому на своей единоутробной спине возил, -- так что же вы думаете? Дал мне околоточный два раза по шее, дураком назвал и в какую ни на есть комнату посадил. Действительно, в те времена дураком я был, потому что обидно мне сделалось, и даже плакал. А теперь бы...